

Полковник Сергей Баранов

ФСБ В СМОКИНГЕ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СПЕЦОПЕРАЦИЙ

Полковник Сергей Баранов

**ФСБ в смокинге. Обратная
сторона спецопераций**

«Издательские решения»

Полковник Сергей Баранов

ФСБ в смокинге. Обратная сторона спецопераций / Полковник
Сергей Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904936-0

Предоставление убежища шпиону, проникшему в святая святых АНБ, взрывы в Волгограде, противостояние ФСБ и Следственного комитета — все эти темы освещаются здесь с непривычной стороны — глазами их непосредственного участника, обладающего такой информацией, от которой волосы становятся дыбом. Из повествования мы узнаем о том, что ФСБ носит не только военную форму, но и деловые костюмы, и смокинги, внедряясь в самые недра общества и не всегда выполняя возложенную на нее законом задачу...

ISBN 978-5-44-904936-0

© Полковник Сергей Баранов
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Новогодний фейерверк	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ФСБ в смокинге Обратная сторона спецопераций

Полковник Сергей Баранов

Иллюстратор Сергей Баранов

© Полковник Сергей Баранов, 2018

© Сергей Баранов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4936-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Новогодний фейерверк

Автобус ехал по разукрашенному и сияющему в преддверии новогодних праздников городу, то и дело останавливаясь на 5—10 минут в пробках. Перед праздниками избежать их было невозможно, и это заставляло Крамаренко заметно нервничать – он практически ежеминутно поглядывал на часы, словно боялся куда-то опоздать. Хотя больше, наверное, переживал из-за реакции Соболя на опоздания в принципе – тот, будучи сам человеком сверхпунктуальным, расхлябанности, в том числе временной, не терпел.

Ехать было не более 20 минут. На счастье, оставшаяся часть пути прошла без осложнений, и около 11 час 50 мин междугородний автобус, доставивший Крамаренко в Волгоград, стоял на автовокзале.

Погода стояла сырая, в воздухе пахло сыростью и изморозью. Сошедший с автобуса Крамаренко поежился и поднял воротник куртки. Пешком идти предстояло минут 5 – благо, железнодорожная станция находилась рядом с автовокзалом, и Крамаренко преодолел этот путь довольно быстро.

Окинув взглядом привокзальную площадь, Крамаренко сразу увидел машину Соболя и устремился по направлению к ней.

– Ты стал опаздывать, – процедил Соболев, не глядя на Крамаренко.

– И тебе здравствуй, – тот и без того с утра нанервничался, а потому отвечать на подколы Соболя не имел особого желания.

– Все в порядке? Надеюсь, за сутки не произошло ничего, что заставило бы меня волноваться? – Соболев все еще не поднимал глаз на своего собеседника.

– Взаимно. Где обещанный документ?

Соболев, как всегда без лишних эмоций, достал из бардачка сложенную пополам бумагу и протянул ее Крамаренко. Тот пробежал глазами документ по диагонали и удовлетворенно хмыкнул:

– «...В возбуждении уголовного дела в отношении Крамаренко Павла Леонидовича отказать ввиду отсутствия в его действиях состава преступления...»

– Вот видишь, я свое слово сдержал, сыночек твой теперь свободен как сопля в полете. Надеюсь получить ответный респект...

– Получишь, получишь... Конверт дай...

Соболев достал из бардачка и протянул своему собеседнику пустой бумажный конверт, тот написал на нем адрес сына и засунул во внутренний карман. Соболев этот эгоизм уже порядком достал, и он перешел к делу.

– Давай по существу. Все помнишь?

– Еще бы. Когда на кону жизнь твоего ребенка...

– Ладно, не начинай. Твоему шкету надо было головой думать...

– Знаю без тебя. Что сделано, то сделано...

Крамаренко дернул ручку. Дверь была заблокирована. Он впервые за короткую беседу бросил на Соболя вопросительный взгляд.

– Удачи, – бросил Соболев и нажал на кнопку.

Прежде, чем войти в здание вокзала, Крамаренко опустил письмо в почтовый ящик, прикрепленный на почтовом отделении в глубине привокзальной площади, окинув ее в последний раз прощальным взглядом. Она показалась ему самым красивым пейзажем из всех, что он когда-либо видел, хотя никогда раньше не бывал в этом городе. Сейчас, в преддверии Нового Года, она светилась огнями и елочными игрушками и несла в себе какую-то волшебную надежду. Надежду на лучшее. На то, что ему не принес ни ушедший год, ни его последние месяцы. Пусть хоть не у него, а у его сына все в будущем сложится хорошо. Во всяком случае

он, Леонид Крамаренко, при жизни сделал для этого все, что от него зависело. И пусть даже не сразу, но с годами сын это оценит, должен оценить...

Смахнув скупую мужскую слезу, Крамаренко направился к вокзалу. Открыв парадную дверь, он шагнул к металлодетектору...

Телефон Соболя зазвонил, когда на часах было 12 час 15 мин.

– Слушаю.

– Отбой, – нервно забормотал голос в трубке.

– Что ты несешь? Какой еще, нахрен, отбой?

– Он не прибыл, на поезд опоздал.

– Как? Как так вышло?

– В маленькое ДТП попал по дороге на вокзал, поэтому не успел вовремя.

– И когда приедет?

– Завтра около трех часов. Карта его передвижения у меня. Скажи, ты сможешь остановить операцию?

Соболь не стал отвечать на последний вопрос.

Взрыв раздался, когда вокзальные часы показывали 16 минут первого. В первую секунду в здании вокзала вылетели все стекла, а из входной двери вырвался огромный клуб пыли и дыма, освещенный яркой вспышкой света. Сигнализации близ стоящих машин как по команде завывли, откуда-то послышались громкие стуки чего-то, но Соболь уже их не слышал, стремительно удаляясь на своей машине в сторону выезда из города.

– Что за твою мать?!

Дверь в доме генерала Костенко распахнулась, и в проем влетел, отряхивая снег с папахи и шинели, громко чертыхаясь, невысокий, но коренастый мужчина. Это был хозяин дома.

– Что случилось? – со второго этажа послышался голос жены генерала. Минуту спустя и сама она – высокая статная блондинка 40 лет – появилась на лестнице.

– Сынуле своему спасибо скажи, – пробурчал генерал. – У, шалопай. Дернул его черт за руль сесть...

После этих слов, стряхивая снег со спортивного костюма, в дом вошел 17-летний сын генерала Дмитрий. Присутствие отпрыска не могло заставить генерала замолчать.

– Говорил дураку, надо было учиться как положено. Нет, вы же с ним на пару мне все уши прожужжали... Позвони начальнику ГАИ, да позвони... Послушал, старый дурак, позвонил... Чуть в столб не завез, школота, салага хренов!

Жена, привыкшая за долгие годы совместной жизни к взрывному характеру Анатолия Дмитриевича, предпочла не спорить с супругом. Чуть позже, после обеда, когда страсти генерала по поводу внезапно сорвавшейся поездки в Волгоград чуть улеглись, Олеся Викторовна вошла в комнату сына.

– Дима, ты хоть можешь мне рассказать, что там случилось? Для него эта поездка была важна, ты знаешь... Зачем ты вообще сел за руль?

Сын с усмешкой посмотрел на мать.

– Навыки вождения тренировал...

– И ДТП сотворил?!

– Шуму больше. Ну, съехал с дороги, ну прождали гаишников с полчаса... Машина-то почти не пострадала, целое все... А ему просто раньше надо было из дома выезжать, чтобы вовремя успеть на вокзал... Ничего, завтра поедет, ничего с его конференцией не случится... А вообще и ты, и я знаем эти конференции...

– Перестань... Ну ладно, главное ты особо не переживай, знаешь ведь его характер...

Она не успела договорить, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился генерал. Он вплотную приблизился к сыну и, без единой эмоции на лице, крепко обнял его, прижав к груди.

– Спасибо тебе, сынок. Ты мне жизнь спас.

– Что случилось, Толя? – спросила жена. Вместо ответа генерал включил телевизор в комнате сына. Голос диктора вещал:

– ...Напоминаем, что сегодня около полудня на железнодорожном вокзале Волгограда прогремел взрыв. По предварительным сведениям правоохранительных органов, взрыв произвел террорист-смертник. На данный момент число жертв взрыва составляет 10 человек, госпитализировано порядка 30...

– Присаживайтесь.

Мужчина и женщина опустили в кресла напротив хозяина кабинета.

– Полковник Демихов Игорь Николаевич?

– Так точно.

– Мы рассмотрели Ваше ходатайство о возможности выезда за границу и вынуждены пока Вас огорчить. Служба не может в настоящее время разрешить Вам выезд. Понимаете, Вы являетесь обладателем государственных секретов первой группы допуска. Учитывая это, Ваше участие в многочисленных спецоперациях, в том числе на территории Чеченской Республики, а также то, что выезжать Вы планируете вместе... простите, вместе с законной супругой... кхм... офицера Российской Армии из высшего ее эшелона, единовременный выезд пока невозможен. Извините. Повторно подать документы Вы сможете через полгода.

Когда Игорь и Олеся вышли из здания на Лубянской площади, на улице моросил дождь. Она как-то горько и тоскливо смотрела в его глаза, а он молча курил, не решаясь начать диалог. Наконец, она заговорила.

– Что же теперь будет, милый?

– Ничего. Ты по-прежнему будешь женой генерала, а я по-прежнему буду выполнять госпоручения в горячих точках. Тебя это интересует?

– Нет. Меня интересует, что теперь будет с нами...

– Послушай, перестань. Ты прекрасно знаешь, что нет никаких нас...

Она не дала ему договорить.

– Я беременна.

– Что?

Холодные серые глаза Игоря устремили на нее неотрывный взор. Она смотрела в их бездонную глубину и видела, как они теплеют.

– Это правда?

– Да, любимый. И ребенок этот твой.

Он без слов обнял ее. Обнял так нежно и трепетно, как никто и никогда еще не обнимал. Она прижалась к его груди и слушала биение его сердца... Он говорил ей что-то, но это было уже неважно. Сейчас, в эту самую секунду, она была безгранично счастлива. Просто от того, что он был рядом...

Они провели вместе эту ночь. Эту ночь, ставшую последней. Как двое приговоренных к смерти, они любили друг друга так неистово, что сами иногда завидовали своему счастью. С той лишь небольшой разницей, что он знал, что навсегда расстанется с ней с наступлением рассвета, а она верила в чудо.

Наутро она приехала домой. Генерал метался по дому в разъяренном состоянии, бегая от спутникового телефона к телефону спецсвязи в соседней комнате.

– Где ты шаталась?... – не глядя на Олесю, спросил он. – Ладно, позже разберемся...

– Что-то случилось?

- Да уж... Ту разведгруппу, в которой служил Демихов, помнишь?
- Игорь? Твой друг? – притворилась девушка, делая вид, что не знает своего любовника.
- Друг... Подлец он, а не друг... Сегодня двое из группы перешли на сторону боевиков...
- А Игорь?
- С утра не могу до него дозвониться. Видимо, тоже... Понимаешь, что это значит?

Диверсант такого уровня – и...

- Толя, – глядя как будто сквозь него, прошептала Олеся. – У нас будет ребенок...

– Признать Демихова Игоря Николаевича виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет... Взять под стражу в зале суда...

Слова судьи не стали для него неожиданностью. Долгие годы полулегальной жизни за кордоном, громкий судебный процесс, на котором он отказался давать показания, дабы не бросать тень на сильных мира сего, внимание со стороны журналистов и полное забвение со стороны той, ради которой он жил, дышал, воевал и с жизнью, и со смертью все эти годы, – все это так утомило этого еще молодого, но уже настолько измученного жизнью человека, что он не то, чтобы радовался столь жесткому приговору, но лелеял в нем надежду отдохнуть хотя бы в тюрьме от мирской суеты. И тем больше она сейчас ему докучала, что среди этой суеты не было Ее. А без нее не было никакого смысла бороться дальше. Ему сейчас нужно было войти в режим тишины, как говорили там, где он служил. Нужно было поймать эту тишину, чтобы сосредоточиться и наметить новые жизненные приоритеты – поскольку бывшие были разрушены раз и навсегда, а жизнь еще не закончилась. Да, несмотря на все злоключения, произошедшие с ним в горячих точках, он не собирался прощаться с мирским существованием. Слишком сильна порода людей, именуемых русскими офицерами, чтобы их ломали житейские испытания... Не подозревал отставной полковник ГРУ и о том, что на его счет у сильных мира сего (в том числе и тех, в чьем невысказанном интересе он сохранял молчание в суде) уже были выработаны иные планы...

После оглашения приговора, когда под свет телекамер сомкнулись наручники на его запястьях, его путь в сопровождении двоих конвоиров лежал в так называемый «стакан» – утлое и убогое конвойное помещение типа полицейского «обезьянника», располагающееся в подвальных этажах судов и предназначенное для временного содержания арестованных. Стоило ему перешагнуть порог «стакана», как из находящихся там открытых решетчатых камер послышались голоса арестантов:

- За что тебя?.. Арестовали?.. Закрыли?.. Надолго?

Игорь помолчал немного, но затем все же заговорил:

- Двести пятая, теракт... На десятку...

Почти все товарищи по несчастью умолкли как по команде. Только один голос раздался во вновь повисшей тишине:

- Сам взрывал?
- Нет. Консультировал.
- Много народу положили?
- Никого. Взрывали стратегические военные объекты. В боевых условиях.

Камеры вновь оживились. Их подозрения о том, что этот подтянутый, симпатичный, молодой еще человек – исламский террорист, развеялись, и, поняв, что перед ними настоящий солдат, «полосатики» несколько прониклись чувством понимания к Игорю.

- А где?

– А вот за разглашение военной тайны года еще получать в мои планы пока не входило, – Игорь не терял чувства юмора. В конце концов, в жизни ему было и тяжелее.

- А режим?

– Общйй.
– Значит, на единичку поедешь... Да ладно, солдат, и больше срока получали, не кисни...
– Да я и не кисну, – скупно отвечал Игорь.
– Лихо отвечаешь, – Игорь снова услышал тот тихий, спокойный голос, что раздавался в начале беседы. По тону разговора было понятно, что носитель голоса – бывалый «сиделец».
– Не вижу смысла скрывать. Все равно в колонии все известно станет... – тон Игоря тоже был спокойным, хотя он и не видел в темноте лица своего собеседника.

– Тоже логично... А звать тебя как?
– Игорем.
– А погремуха есть? Или в тюрьме получить желаешь?
– Да была когда-то. Демоном дразнили.
– Как в камеру зайдешь, назови... А вообще, братишка, не такой уж и большой срок.
– А ты суда ждешь?
– Да. УДО. Думаю, к Новому Году уже на свободе буду.
– Ну удачи тебе тогда.

В «стакане» Игорь просидел около часа, после чего его, вместе с несколькими обитателями соседних камер, вывели через расконвойный выход к большому автозаку и запихнули в одну из узких и тесных каморок, расположенных в его кузове.

– Куда нас сейчас? – спросил Игорь у конвоира.
– В первый изолятор.
– А этап когда?
– Ишь, быстрый какой. Погоди пару месяцев. Приговор еще, небось, обжаловать собираешься?
– А если и так, то что?
– А то, что, пока апелляция дело твое не пересмотрит, никакого тебе этапа. Хотя толку от нее, от этой апелляции...

– Почему так рассуждаете, майор? – по-военному строго, но с неподдельным интересом спросил Игорь. Конвоир, окинув его взглядом, оценил в нем, по всей видимости, достойного собеседника.

– Служил?
– Так точно.
– А звание?
– Полковник запаса.

– Ого... Ну так вот. Насчет апелляции. Братишка у меня попал, понимаешь. За драку. Райсуд влепил двушку поселения. К апелляции с терпилой замирились. А те и смотреть на это не стали – оставили в силе. Сейчас сидит...

Ключ в замке зажигания повернулся, и, тяжело скрипя шестеренками и маховиками мотора, машина с заключенными сдвинулась с места. Путь лежал через территорию завода ЖБИ, по ухабистой, витиеватой дороге. Движение затруднялось наледью и распутицей, собственными дорожному покрытию в это время года. Поэтому, когда машину в очередной раз занесло и повело в сторону, ни зэки, ни конвоиры не придали этому значения...

...Машина слетела в неглубокий кювет. Тяжесть груза заставила кабину несколько раз перевернуться и упасть навзничь. Из-за каменистой насыпи и сама кабина, и кузов получили сильные повреждения. Самостоятельно выбраться никто из пассажиров не смог. По причине того, что место аварии находилось на городской окраине, ждать появления проезжего транспорта бессознательному экипажу пришлось часа три. И только то стало чудом, что бензобак и бензонасос были целы, а потому не случилось взрыва. Это позволило выжить всем зэкам, сидевшим в кузове, в том числе и Игорю. Следующими словами, которые он услышал, были:

– ...Фрагментарная амнезия... Жить будет, имя, фамилию помнит, но возможность восстановления основной памяти практически исключена...

День Дмитрия Костенко, студента первого курса юрфака Самарского государственного университета, в течение рабочей недели протекал по примерно одинаковому сценарию, что, однако же, не мешало самому Диме получать удовольствие от жизни. С восьми и до четырех он пропадал на парах, после чего до половины седьмого у него было время на подготовку основной части домашнего задания. К семи он отправлялся на ежедневную тренировку по хоккею, где проводил стабильно три часа. С десяти до двенадцати он ужинал, «читался», занимался с компьютером, а в первом часу ложился спать. К столь жесткому распорядку его во многом приучил режим отца – бывшего боевого генерала Анатолия Дмитриевича Костенко, который, хоть в настоящее время и не занимал былую должность всемогущего первого заместителя начальника Генштаба Вооруженных Сил, но все еще сохранял вес как в рядах армии, так и вообще в высших эшелонах государственной власти страны. Дима относился к отцу противоречиво, поскольку зачастую взрывной и резкий нрав последнего не давал покоя домашним, но в целом все же любил и уважал своего родителя. Хотя бы за то, что тот дал ему в жизни многое, чего были лишены его ровесники – материальные блага на высшем уровне, отдельную съемную квартиру, деньги, учебную протекцию.

Правда, все чаще Дима задумывался над тем, чтобы начать зарабатывать самостоятельно. Все-таки, как он считал, его собственные интеллектуальные способности и связи его отца могли в значительной мере этому поспособствовать, если не сказать больше. Но учеба занимала массу времени, так что пока планы оставались планами.

В этот день Диме, помимо учебы, предстояло несколько встреч. Но университетом он, как весьма прилежный студент, манкировать не стал, и, как обычно, в половине девятого перешагнул порог учебной аудитории. После первой пары к нему подошел его сокурсник Паша Крамаренко. Они были друзьями еще со школьной скамьи, а сейчас еще и вместе занимались хоккеем.

– Димон, после пар занят? – спросил Паша. В его глазах читалось беспокойство.

– Не особо, а чего хотел? Товар нужен?

– Да не совсем. Пошептаться надо.

– Ну шепчи что хотел.

– Да нет, не пойдет. Тет-а-тет надо. Да и разговор конфиденциальный.

– Лады, после пар в кафетерии...

Они встретились в студенческом кафе на первом этаже университета, но разговор закончили уже в машине.

– Пипец, ну ты даешь, Пахан... – теперь явная обеспокоенность читалась уже в голосе Димы. – Говорил я тебе, что эти гребаные стероиды до добра не доведут...

– Молодец, что говорил. А сам-то?!

– Я-то сам-то в такое дерьмо не наступал! Ты как умудрился?! У тебя же отец близко на горизонте лет 10 не появлялся!

– Я почему знаю? Нарисовался – не сотрешь... Помогать стал... Понимаешь, он мне отец все-таки.

– А мой – мне отец! Почему сразу не обратился ко мне, я бы решил?! Ты же знаешь, у меня связи везде есть!

– Ну вот теперь обращаюсь...

– Теперь... Как бы поздно не было теперь... Ладно, на твое счастье у меня сегодня встреча с человечком из наркоконтроля...

– Эй! И на твое счастье тоже!

– Да, да.

- А с антитеррором что делать?
- Попробую и здесь порешать.
- Отцу расскажешь?
- Думаю, что нет. Порвет меня первого. Знаешь ведь его, доносчику первый кнут.
- Наверное, прав... Прости еще раз, Димон...
- Да ладно, кончай. Ничего еще не случилось пока. Выкрутимся...

В шесть вечер Дима Костенко сидел в машине майора Маркелова – замначальника областного управления наркоконтроля.

– ...Вот и отлично, – процедил майор, пряча в бардачок переданный Димой бумажный сверток, один из многих, которые тот вручал чиновнику ежемесячно в течение всего последнего года.

- Слушай, у меня к тебе просьба.
- Все, что угодно, Димок. Что, кто-нибудь обижает?
- Да есть немного.
- И кому же жить надоело?
- Твоим гаврикам.
- ???
- Дело хотят возбудить на моего товарища.
- А что там?
- Амфетамин.
- И много?

Дима относительно покачал головой.

– Проблема в том, что товар вышел от меня.

– Это как раз не проблема, – спокойно ответил его собеседник и протянул ему маленький листочек и письменный прибор. – Пиши его данные.

Дима удовлетворенно улыбнулся, быстро написал что-то на бумажке и возвратил ее Маркелову.

- Ты сегодня на работе будешь?
- У тебя когда тренька кончается?
- В десять.
- Буду ждать тебя здесь же. Заодно домой отвезу. Ты, я гляжу, без колес сегодня?
- Да не стал рисковать. Вчера корпоратив был, а я парень законопослушный, ты меня знаешь.

– Догадываюсь, – улыбнулся Маркелов. – Кстати, законник, ты помнишь, что у моей Ксюхи в субботу день рождения?

– Помню, – улыбнулся Дима потенциальному тестю. – Короче, в 10 жду, – и убежал по направлению к ледовому дворцу.

Майор как всегда был пунктуален – в 10:00 его машина стояла у дверей «Звездного». Майор выглядел озабоченным.

- Что-то пошло не так? – догадался Дима, садясь на пассажирское сиденье.
- Угадал. Это дело курирует Москва. Но самое поганое не это.
- А что?
- За этим делом стоит очень крутой перец. Кстати, короткий знакомый твоего папеньки.
- Кто такой?
- Соболевский Леонид Алексеевич, он же Соболев, майор ГРУ в отставке. Диверсант высшей пробы, связи на таком уровне, что мама не горюй... Поговаривают, что вхож и на Старую площадь, и еще много куда, в том числе на криминальном уровне. И дело, о котором ты говорил, скоро заберут в столицу, в нашу верхнюю контору. Так что не взыщи...

Приехав домой, Дима закрылся в комнате и долго обдумывал полученную сегодня информацию. Вечером, после ужина, он подошел к отцу с вопросом.

– Па, ты вроде послезавтра собирался в Волгоград?

– Ну собирался, и что? – не отрывая глаз от компьютера, вопросом на вопрос ответил генерал. Судя по тону разговора, он снова пребывал не в духе.

– Можно я с тобой поеду?

– А тебе разве в университет не надо?

– Так каникулы же начались...

– Какие прогнозы на сессию?

– Думаю, все как всегда будет ОК.

Генерал снял очки и внимательно посмотрел на сына. Немного помолчав, резюмировал:

– Как бы я хотел, чтобы однажды ты перенял мое дело... Ну конечно, можно...

Машина Соболя остановилась у придорожного кафе около 15 часов. Все это время он ехал, практически не останавливаясь. В кафе его уже ждал Абдиев со всей своей свитой.

– Что, плохие новости? – глядя исподлобья, спросил Абдиев.

– Отсутствие хороших, так скажем.

– Его там не было?

– Источник сообщил, что нет.

– А что случилось?

– На поезд опоздал.

– Причина?

– В ДТП попал, что ли.

– Странно... Раньше за ним такого не наблюдалось... Сам, что ли, за рулем был? Пьяный, должно быть?

– Нет, я уже все выяснил. За рулем был его сын, студент-салага. Так что чье-либо вмешательство исключено.

– Хорошо, если так. Зато представь, какие разговоры и действия сейчас последуют со стороны федералов... Опять все начнут чеченцев обвинять в терактах и прочем дерьме...

– Прав.

– Делать-то что будем?

– Завтра он на машине в Волгоград приедет.

– Это, надеюсь, точная информация?

– Абсолютно. Конференцию он не отменит, а без него ее не провести.

– Карта его передвижений по городу..?

– Имеется.

– Кого планируешь на роль исполнителя?

– Сына главного героя.

– О как! А согласится?

– А куда он денется...

– Но нужны веские доводы. Насколько я понимаю, отсидеть пятак или подорваться на mine – вещи разные, и не факт, что он предпочтет второе.

– А мы его посвящать не будем в эти дела. Так, попросим пакетик передать, да и все. А там – как Бог даст...

– Не раскусит?

– Не думаю.

– Ну дерзай. Не теряй времени, сам понимаешь, насколько нам это нужно...

Через 10 минут, сидя за рулем своего автомобиля, Соболев звонил Паше Крамаренко:

– Здравствуй, Павел. Узнал?

– Конечно. Что у Вас?

– Ну, в принципе, ничего серьезного. Папа твой просьбу нашу выполнил, еще, правда, одна мелочь осталась.

– Что за мелочь?

– Надо выехать в тот же город и передать конверт одному человеку.

– А сами, что, не можете?

– Послушай, твоя судьба все еще в наших руках. Ты ведь не забыл об этом?

– Хорошо, хорошо. Где и когда встречаемся?

Звонок от Паши Крамаренко на телефон Дмитрия Костенко раздался через полчаса после его встречи с Соболев.

– Что случилось?

– Надо увидеться.

– Слушай, мы же только что на хоккее вместе были. Вспомнил чего?

– Ага.

– Добро, – нехотя буркнул Дмитрий. – Минут через 20 буду у твоего дома...

Вид у Паши был крайне озабоченный.

– Чего ты опять?

– «Новости» смотрел?

– Было дело.

– За теракт в курсе?

– Слышал...

– Похоже, теперь я действительно остался без отца...

– Мда... – сочувственно протянул Дима.

– Только это не конец.

– В смысле?

– Я встречался с Соболев сегодня.

– С Соболевским?

– С ним.

– И что?

– Он поручил мне завтра поехать в Волгоград и там передать кому-то какой-то пакет.

– Не знаю, должен утром отдать.

– А я тут причем?

– Скажи, Димон, твой отец завтра часом туда же не собирается? Может, он меня подвезет до Сталинграда?

В воздухе повисло минутное молчание. Дима хлопнул себя по лбу, его словно озарила какая-то мысль, на автомате передавшаяся собеседнику.

– Думаешь?... – уточнил он у Паши его полунамек.

– Уверен. Если им не удалось сделать это один раз, они непременно постараются сделать это во второй. Заодно убрав меня как ненужного свидетеля...

– Поехали, – отрезал Дима.

– Куда?

– К отцу. Он все поймет.

Полчаса спустя оба сидели в кабинете генерала Костенко. Разговор начал Дмитрий.

– Па, я... мы должны тебе что-то рассказать. В общем, это серьезно и касается твоей жизни.

– Я так понимаю, это действительно серьезно, раз заставило вас, господ, явиться сюда в столь поздний час, – хладнокровно отвечал генерал.

– Дядь Толь... Вы не можете завтра ехать в Волгоград!

Генерал вопросительно вскинул брови.

– Сегодняшний взрыв – это не просто так. Это покушение. На Вас.

– О как! А подробнее?

– Пап, подробнее так, – Дима тяжело выдохнул. – Дай только слово, что не будешь ругаться на меня.

– Ну, допустим, – генерал хитро прищурился.

– Пап, месяц назад я продал Паше килограмм легкого наркотика для роста мышечной массы...

– Щенок,.. – генерал не успел договорить.

– Па, ты обещал!.. Так вот у нас многие и давно этим занимаются... Но дело не в этом...

При его реализации Паша нарвался на сотрудников ФСКН. Тут же, внезапно, откуда ни возьми, появился его отец, который бросил их с матерью...

– Ну помню, помню, дальше.

– Так вот, чтобы не возбуждать на Пашу дело, ему предложили уговорить отца подорвать вокзал в Волгограде в тот момент, когда придет твой поезд. Он согласился. Паша рассказал мне об этом, и я специально спровоцировал то злосчастное ДТП.

– Вот оно что...

– Но и это еще не все. Поскольку организаторы теракта знают, что ты жив, они попросили Пашу завтра снова выехать в Волгоград, чтобы, так сказать, завершить начатое...

– Хм, вообще-то нелогично. Они предложили ему разделить судьбу его отца в обмен на три года общего режима за амфетамин?!

– Нет. Ему предложили лишь передать пакет. О его содержимом мы догадались сами. Они же тем самым убьют двух зайцев: и тебя, и его как ненужного свидетеля.

– Теперь логично. Это все?

– Нет. Человека, который заказал тебя, зовут Леонид Соболевский.

Последние слова произвели на генерала эффект разорвавшейся бомбы. Его глаза округлились, дыхание стало тяжелым, он изменился в лице.

– Это точно?

– Абсолютно.

Генерал минуту помолчал, а затем произнес:

– Ладно, ребята. Вы идите отдыхайте. Спасибо за все, я сейчас во всем разберусь. О нашем разговоре никому, сами понимаете. Паша, переночуй сегодня у нас. В целях безопасности, так сказать... Ладно, идите, мне над сейчас все обдумать.

Как только за ребятами захлопнулась дверь, генерал набрал на сотовом телефоне номер, сохраненный в памяти устройства под именем «Юра».

– Быстро ко мне, – скомандовал он, услышав в трубке привычное «алло». Затем подошел к двери и крикнул охраннику: – Андрей, быстро вниз, с ребятами!

Паша с Димой шли вдоль пруда, искусственно залитого в саду во дворе генеральского дома. Снег падал крупными хлопьями и сразу таял, касаясь еще не тронутой крепкими морозами самарской земли. Легкая наледь скрипела под ногами, и замерзшие утки поворачивали свои головы на этот звук всякий раз, волнуя теплую воду пруда.

– Как думаешь, дядя Толя решит этот вопрос? – робко спрашивал Пашка, глядя в глаза своему другу.

– Даже не сомневаюсь, – уверенно отвечал Дима. – Это для нас с тобой в новинку, а он человек войны. Знаешь, сколько раз он попадал в похожие ситуации?.. Главное, маме не говорить, расстроится она...

– Не скажем. А знаешь, наверное, я все-таки счастливый человек. Узнал отца своего, пусть даже при таких обстоятельствах...

– Ты прости меня, – внезапно вымолвил Дима.

– За что?

– Ну ведь это я тебя втянул во всю эту историю.

– А я тебя. Так что это ты меня прости.

– Бог простит, – друзья улыбнулись. Дима положил руку на плечо Павлу и, глядя ему в глаза, сказал: – Главное, что мы вовремя приняли правильное решение. А друг все-таки, как показывает практика, познается в беде...

В этот момент из дома послышался голос матери Дмитрия, тети Олеси.

– Мальчишки, идемте чай пить и спать.

Друзья улыбнулись и направились в сторону коттеджа.

... – Откуда он только взялся, мать его?! 10 лет ни слуху ни духу – и вдруг на тебе! Да еще подобрался-то как!

– Да это еще не самое страшное, – говорил генералу его друг и «правая рука», полковник УФСБ по Самарской области Юрий Ильич Кирсанов, сидевший сейчас в кресле напротив хозяина кабинета.

– О чем ты?

– Он действует явно не один.

– Как скоро сможешь выяснить этот вопрос?

– За завтра постараюсь. Но, сам понимаешь, ни о какой поездке речи быть не может!

– Это понятно. А с пацаном что делать?

– Подумаем...

Свидетелем разговора был Андрей Степанов – ближайший к генералу человек, начальник его службы безопасности. Мимо него не проходил ни один вопрос, связанный с охраной генерала и вообще с его жизнью. В преданности Андрея генерал, всегда по-военному строго относящийся к вопросам безопасности, был уверен, а потому не слушал никого, кто настаивал на какой бы то ни было конфиденциальности. Кирсанов это знал, поэтому даже не пытался сейчас удалить секьюрити. Однако тот, заслышав, что речь идет о Павле Крамаренко, сам поднялся и еле слышно вышел из кабинета.

Павел, Дмитрий и Олеся Викторовна сидели на кухне и о чем-то болтали, когда Андрей подошел к дверям комнаты. Приблизившись к дверному проему, он обратился к Диме:

– Можно тебя на минутку?

– Что случилось? – спросил Дмитрий, подойдя к Степанову.

– Знаешь, быть может, это не мое дело и я чересчур мнителен, но... Я сейчас слышал разговор твоего отца с Кирсановым. Речь зашла о Павле. Мне кажется, ему небезопасно находиться здесь сейчас.

– А куда ему деваться? Сам понимаешь, домой нельзя, Соболевский достанет его там в два счета. Пока отец решает свои проблемы, по-моему, правильнее будет, если он останется у нас. Да и отец так считает...

– Ты меня не понял.

– ???

Тело Павла Крамаренко было обнаружено в 7 час 15 мин утра в ванной комнате со следами вскрытия вен. Предсмертная записка была оставлена рядом. В ней он просил никого не винить в случившемся, а также писал о том, что жить ему не дала память об отце.

– Одна проблема вроде решилась, – пробормотал Костенко Кирсанову. Они просидели в кабинете всю ночь, обдумывая план поиска Соболевского.

– Не скажи. Соболев поймет, что мы его вычислили, и ляжет на дно. Тогда точно хрен найдем.

– Ты, пожалуй, прав. А что делать?

– Плохо, что его тело нашли в твоём доме. Лучше будет перевезти его в его квартиру.

– Уже, – в кабинет вошел Андрей Степанов. – Я уже это сделал.

– Молодец, Андрюша, – одобрительно улыбнулся генерал и продолжил, обращаясь к Кирсанову: – А ты действуй, Юра. В нашем распоряжении сутки, чтобы этот гаденыш спрятаться не успел. С Богом!

Соболь появился в кабинете руководителя ЧОП «Барс», подполковника милиции в отставке Геннадия Ивановича Лукашова в половине десятого утра.

– В чем дело, что за спешка?

– Мне человек нужен.

– Для чего?

– Этот гаденыш сегодня ночью вены себе вскрыл, совесть за загубленного папу, вишь, замучила. А Костенко в половине четвертого уже в Волгограде будет.

– А Махмуд что сказал?

– Махмуд сказал к тебе обратиться.

– Естественно, как на охоту, так собак кормить, – пробурчал Лукашов. – Ну, допустим, я найду человека. А материал я где тебе возьму? Первую порцию тротила, если помнишь, Робот доставал. Он сейчас в тюрьме.

– Это не твоя забота. Через час все будет у тебя.

Соболь сдержал свое слово – смерть генерала Костенко была нужна ему как никому другому. Ответственно подошел к его просьбе и Лукашов. Повторный взрыв в Волгограде произошел спустя сутки после первого, в 17 час 40 мин следующего дня. Был взорван троллейбус, следовавший в опасной близости от кортежа, на котором должен был передвигаться генерал Костенко. Должен был, но не передвигался, поскольку обсуждал с полковником Кирсановым операцию под кодовым названием «Новогодний фейерверк».

Бортников появился в приемной Президента в 19 час 20 мин. Глава государства принял его сразу, без ожидания.

– Александр Николаевич, – с порога начал он. – Что у нас там творится на Волге? Два взрыва подряд, если я не ошибаюсь? Сколько жертв?

– 28 погибло, около 70 раненых, Василий Васильевич.

– Какие мысли у главы моей службы безопасности?

– Василий Васильевич, я Вам много раз говорил о необходимости снизить долю участия Кадырбаева в российской внутренней политике.

Митин оборвал его:

– Перестаньте меня учить. Расскажите лучше, что планируете делать? Силами службы справитесь? Помощь нужна?

– Думаю, Василий Васильевич, справимся сами. У нас хороший внештатный аппарат в том регионе.

– Вы о ком?

– Генерал-полковника Костенко помните?

– Как де. Бывший первый зам Генштаба?

– Так точно.

– Ну тот ГРУ-шник со стажем, он, думаю, существенную помощь окажет. Когда планируете его вызвать?

– Немедленно, Василий Васильевич.

– Ну и замечательно. Тогда принимайте общее руководство расследованием и ликвидацию последствий на сея, а я на Дальний Восток сегодня улетаю. Там решим пару рабочих вопросов, и после Нового Года – в Сочи, проверим готовность олимпийских объектов. Возвращаться планирую в 10-х числах. Успеете с расследованием к этому времени?

– Приложим все усилия, Василий Васильевич.

Выйдя из приемной, Бортников по спутниковому телефону связался с Костенко.

– С наступающим, Анатолий Дмитриевич!

– Взаимно, Александр Николаевич! Чем обязан?

– А сам не знаешь?

– Виноват, знаю конечно.

– Какие мысли?

– Организаторов кое-каких установили, но...

– Когда предварительные итоги будут?

– Да хоть завтра.

– Ну тогда не тяни, и завтра же вылетай в Москву.

– Слушаюсь.

Положив трубку, Костенко устремил пристальный взгляд на Кирсанова.

– Шеф твой звонил.

– Я понял.

– А ты понятливый... И что, по-твоему, я должен буду ему доложить? Что я являюсь причиной сразу двух терактов? А вернее, даже не я, а мои боевые подвиги 20-летней давности на Северном Кавказе?

– Мда... Дилемма.

– Никакой дилеммы. У тебя несколько часов, чтобы найти Соболя и зачистит все следы. Иначе ты знаешь, что будет!..

– Поздравляю, – с места в карьер начал оратор Абдиев. – Его там опять не было! Ты понимаешь, что это означает?!

– Он догадался... – голос Соболя звучал подавленно, но уверенности в себе он не терял ни на минуту.

– Не только! Еще это означает, что со дня на день при его непосредственном участии начнется операция «Вихрь – Антитеррор»! А это, в свою очередь, означает, что и тебе, и мне надо спрятаться! Причем так далеко и так надолго, что ни одна живая душа и вспомнить в ближайшие полгода не могла бы о нашем существовании! Понимаешь, о чем я?

– Разумеется. И мысли соответствующие есть. Но и ты, и я понимаем, что не это самое главное. А то, что он будет искать нас и мстить. Пойми, Махмуд, назад пути нет...

– Ты это мне говоришь?! – вскипел Абдиев. – Ты и Робот предложили мне это, сами все организовали, обосрались, в итоге я попал на нешуточные бабки, а теперь ты мне это заявляешь! Как я, по-твоему, должен реагировать на твои слова?! – И продолжил, уже спокойнее: – Я все это и без твоих комментариев понимаю. Будем искать способы и возможности его ликвидации, это само собой. Но пока более насущным для нас с тобой остается вопрос о сохранности собственных шкур...

– Ты куда думаешь?

– Подожду пару недель, разведу обстановку, а потом к себе в Чечню, там отсижусь. А ты?

– Есть кое-какие мысли.

Выйдя из ресторана Махмуда на Восьмой просеке, Соболев набрал номер Лукашова.

– Мне нужна твоя помощь.

– Естественно. Я ждал твоего звонка. Особенно, после того, как выяснилось, что Костенко никуда не поехал.

– Ладно, прекрати. Где и когда можем встретиться?

Они встретились 10 минут спустя в офисе Лукашова. Хозяин кабинета с порога окинул гостя недовольным взглядом.

– А, Аника-воин собственной персоной... Рад тебя видеть, партнер.

– Кто из нас Аника, еще разобраться надо... Людей-то, если помнишь, ты мне подкинул!

– Ладно, короче оба в дерьме. Что делать-то будем?

– Схорониться мне надо.

– Ну кто бы сомневался... Уговорил, сейчас устрою.

Лукашов поднял сотовый телефон и набрал номер майора Маркелова.

– Твоя помощь нужна. Пришлю к тебе сейчас человечка, не возражаешь?.. Ты в конторе?.. Ну ладушки, жди... – И добавил, обращаясь к Соболевскому: – Областное управление ФСКН знаешь?

– А то.

– Поедешь туда, там найдешь зама, майора Маркелова. Скажешь, что от меня. Он все сделает. Денег не надо, мы с ним потом сами сочтемся.

Через полчаса Соболев уже сидел в кабинете Маркелова. Тот смотрел на него изучающим и опасливым взглядом.

– Значит, Вы хотите, чтобы я возбудил в Вашем отношении уголовное дело и заключил под стражу?

– Да, на пару месяцев.

– Чем вызвано столь экстремальное желание?

– Маленькие личные неприятности.

– А именно?

– Адюльтер. От рогатых мужей скрываюсь.

– Что ж, причина и впрямь уважительная... Хорошо, пишите свои данные, – Маркелов протянул ему листок бумаги и ручку. Когда поручение было выполнено, майор забрал листок и, со словами «Ждите меня здесь», покинул кабинет.

Войдя в находящийся на соседнем этаже кабинет следователя Колесникова, майор бросил листок ему на стол и скомандовал:

– Это насчет той группы бомжей с марихуаной. Возьмешь с них объяснения, что это был их главарь, впишешь в постановление. Он у меня в кабинете сейчас, оформляй задержание и завтра в суд на арест. Дальше скажу, что делать.

Майор уже направился было к выходу из кабинета, как вдруг остановился и развернулся. Он взял листок в руки, повертел его, опять положил на стол Колесникова и вышел из кабинета. В коридоре он набрал номер Димы Костенко.

– Дим, привет.

– О, привет.

– Ты не забыл, что у нас в субботу намечается?

– Ну как можно...

– Смотри, чтобы был обязательно. Я буду ждать, у меня к тебе будет интереснейший разговор...

В камеру Игорь Демихов вошел после шести часов вечера. Четырехместные апартаменты следственного изолятора занимали двое.

– Салам алейкум, – с порога произнес Игорь, держа в руках матрас и шагая по направлению к свободным нарам.

– И ты здравствуй, – одобрительно кивнул головой одетый в опрятный спортивный костюм бритый крепыш лет пятидесяти. – А мы, часом, не с тобой вместе в стакане в Ленинском суде сидели?

– Может быть, не помню, – скомкал ответ Демон.

– Тебя как звать? – спросил второй мужчина, лет 40-45-ти, подтянутый, тоже одетый во все спортивное.

– Игорем.

– А погремуха?

– На свободе Демоном дразнили.

Первый собеседник внимательно вглядывался в лицо Игоря.

– Я Антоха, – протянул руку второй сокамерник, – 159, 285, 290, – перечислил он перечень своих статей.

– Я Рашид, погремушка Султан, – поздоровался первый. – 158-я, 4-я. А у тебя?

– Что? – не понял Игорь.

– Статья какая, братан?

– Какой-то ты потерянный...

– Тихо ты. Парень первоход, вот и теряется немного. Так какая статья-то?

– 205-я.

– Круто. Жертв много?

– Нет, человеческих нет.

– А срок?

– 10 строгача.

– Апелляцию будешь писать?

– Думаю, надо... – В соответствии с обещаниями врачей, кое-что Игорь все-таки помнил.

– Ладно, – прервал диалог Султан. – Эти вопросы потом обсудите, а пока располагайся.

Игорь разложил на свободных верхних нарах матрас и постельные принадлежности и спустился вниз. Сев на нары Султана, он внимательно посмотрел на него. Тот произвел впечатление неформального лидера камеры.

– Держи, – Султан поставил на стоящую рядом тумбочку кружку с чефиром и протянул Игорю только что вытасенный откуда-то лист бумаги, а вернее, его обрывок, и ручку.

– Что это?

– Пиши номер хаты, фамилию, имя, статью... Написал? Давай сюда.

С этими словами он подошел к запретке, открыл окно и просунул туда руку. Через минуту он уже сжимал в ладони толстую веревку, к середине которой был привязан плотный шерстяной носок черного цвета – «бандяк». Султан свернул принятую от Игоря бумажку в носок и еле слышно сказал Антохе:

– Удочку дай.

В ответ тот вытащил из-под нар длинную палку и протянул ее Султану. Вор зацепил за конец палки веревку с носком, выставил ее в окно и куда-то протянул. Игорь обратил внимание на веревку за окном – она была очень длинной и толстой, и по всей длине на ней были завязаны огромные петли. И, стоило Султану вытянуть веревку за решетку, как из соседней камеры высунулась такая же длинная «удочка», поймавшая веревку за свободную петлю и перетянувшая ее к себе.

– Ну все, – подытожил Султан.

– Что, все? – недоуменно посмотрел на него Демон.

– Эта веревка, – пояснил Султан, – называется «конь», а ее движение вдоль всей тюрьмы – «дорогой». Таким образом, заключенные и камеры сообщаются между собой. В этом носке передаются записки, телефоны, еда – в общем, все, что хочешь передать...

– Это что ж, в любую камеру посылка дойдет? – уточнил Игорь.

– А то. Вся тюрьма конем опутана. Так вот обязательно, входя в камеру, сообщить о себе смотрящему, что ты только что и сделал...

В это время в соседней камере письмо Игоря приняли. Человека, развернувшего послание в носке, звали Сергей Сергеевич Рабочих или просто Робот. И его удивлению не было предела, когда он прочел содержание записки. Резко вскочив с нар, он подбежал к дверной «кормушке» и постучал в нее. Дежурный сразу ответил на стук.

– Чего?

- Заявление на адвоката примите...
 - ... Что звал-то? – вяло спросил адвокат Северин, глядя спустя два часа на Робота, сидевшего напротив него в кабинете следователя в СИЗО.
 - Срочно свяжись с Соболев и передай ему, что Демон в 62-ой сидит.
 - Передам, только боюсь, что оперативно он эту информацию к исполнению не примет.
 - Это еще почему?
 - А он заезжает завтра на месяц в сей «Отель Атлантик».
 - Нахрена еще?
 - Не знаю. Маркел приказал Колесникову, он и сделал.
 - Ладно, неважно. Главное, передай...
- Конечно, будь Игорь в памяти, он бы не сделал того, что сделал, но судьбе было угодно распорядиться именно так, а не иначе.

18-летие Оксаны Маркеловой, дочери первого зама начальника УФСН Леонида Юрьевича Маркелова, решено было отмечать в самом фешенебельном ресторане Самары – «Искра». Народу собралось великое множество – в основном, конечно, из провинциального, но весьма заносчивого местного бомонда. Здесь были должностные лица Самарского ЗакСа, полиции, прокуратуры, бизнесмены и еще масса разной псевдо-знатной челяди. Был там и Дима Костенко.

БМВ генеральского сына подъехала к ресторану около 7 часов вечера. Дима, «как денди лондонский одет», вышел из машины в легком флисовом пальто, наброшенном на шее длинном шелковом кашне, держа в руках красивый подарочный пакет с айпадом внутри. Пока Дмитрий дошел от машины до ресторана, мелкий иней успел украсить его пальто и волосы, отчего появление генеральского отпрыска перед глазами юных светских львиц стало еще более эффектным.

- Дима! – восторженно воскликнула именинница, целуя в щеку дорогого гостя.
- Ксюшенька, с Днем Рождения тебя! Долгих лет, счастья, любви... – учтиво улыбаясь и глядя ей в глаза, говорил Дмитрий. Маркелов, давно мечтавший увидеть в генеральском сыне зятя, с одобрением лицезрел эту сцену. Наконец решил лично подойти к дорогому гостю.
- Димочка, здравствуй.
- Здравсьте, дядь Леня, – на людях Дима старался не афишировать коррупционных связей с другом отца и панибратски с ним не общаться.
- А почему папа не приехал?
- Он передает Вам и Ксюшеньке свои искренние поздравления, но присоединиться ко мне не смог. Вы же знаете – как всегда, масса работы...
- Ну ничего страшного, поспрадуем без него, – хохотнул Маркелов. – Димочка, присаживайся к Оксане поближе.
- Дядь Леня... – Дмитрий попытался напомнить Маркелову про разговор, но тот по взгляду все понял и опередил его вопрос:
- Да, да, попозже подойду, поболтаем... – И, лукаво глядя в сторону дочери, добавил: – И о любви, и обо всем остальном...

Следующие два часа Дима слушал милый голос Ксении, говорившей, к ее великому сожалению, сплошные глупости. Конечно, за этими глупостями слышалось совершенно очевидное ее желание стать ближе к Диме во всех смыслах, но в настоящее время объект ее мечтаний был настолько занят проблемами своего отца, что не обращал на подругу детства практически никакого внимания, лишь изредка поддерживая спичи и произнося здравицы в честь именинницы.

Наконец наступил долгожданный перекур, и Дима, держа Маркелова под руку, вышел на улицу.

– Ну, – нетерпеливо заговорил юноша, – что хотел рассказать? Колись давай, видишь же, весь вечер сижу как на иголках...

– Ты понимаешь, я же человек порядочный. Вот решил отработать последний транш. Помнишь наш последний разговор относительно Соболевского?

– Глупый вопрос, Леня, – жестко ответил Костенко-младший. – Я последние дни только об этом и думаю...

– Ну так вот. Субъект этот у меня сейчас.

– В смысле?

– В прямом. Он через человека обратился, попросил его спрятать на пару месяцев. Напел мне какую-то хренотень про то, что его рогатый муж какой-то ищет, но я-то сразу понял – врет. Прячется он, но не от рогатого мужа, а от кого-то настолько серьезного, что для прятка канает только тюрьма. Я, конечно, виду не подал, прикинулся, что впервые его вижу и слышу, а сам, вишь, к тебе сразу...

– Молодец. И что? – за внешней холодной сдержанностью генеральского отпрыска не видно было того количества переполнявших его эмоций, которое могло сравниться только с количеством капель воды на самой глубине Марианской впадины.

– А то, Дмитрий Анатольевич, что теперь этот субъект в моих, а значит, твоих руках, и ты волен делать с ним все, что тебе заблагорассудится... И что?

– Что? – Костенко-младший, казалось, окончательно ушел в себя.

– Какие, спрашиваю, будут приказания?

– Мне надо кое с кем посоветоваться, – бросил Дмитрий и устремился к своей машине. Майор решительным жестом остановил его.

– Слушай, ты меня-то не обижай. Моя дочь ни причем, а потому сделай мне одолжение. Услуга за услугу – ты скрашиваешь праздник моей дочери, а я за это обещаю тебе, что твой субъект никуда не денется до завтрашнего утра и далее, пока ты – и только ты – не примешь по нему решение. Договорились?

– А ты сомневался?! – и два дружественных представителя разных поколений вернулись к праздничному столу.

... – Нагулялся, жених? – резко спросил сына Костенко, стоило младшему представителю августейшего семейства появиться на кухне.

– Гляжу, ты как всегда, в настроении... Кто на этот раз соли на хвост насыпал?

Пауза.

– Прости... Весь день Кирсанов мозги выносит. Да и мамаша твоя усилия прилагает недюжинные... для достижения общественного-полезного результата... Как погуляли-то?

– Ничего. А главное – с пользой. Для тебя.

– Для меня, значит, и для тебя. Поконкретнее, плиз.

– Ю ар велком. Соболевского Маркелов сегодня в СИЗО закрыл.

Генерал переменялся в лице.

– Ты хочешь сказать...

– Повторяю для слабослышащих и сотрудников ГРУ в запасе. Соболевский находится в первом городском СИЗО.

– Бл... – генерал как ошпаренный подскочил с места и кинулся к телефону. Набрал номер Кирсанова, заорал в трубку: – Ко мне! Живо!

– Дорога вообще-то дело добровольное, – говорил Султан, глядя в глаза Игорю. – Но, если живешь по понятиям, должен тянуть ее обязательно.

– А что по ней передают?

– Да все, что угодно – записки, телефоны, сим-карты, чай, печенье... Это средство общения арестантов...

– Правда, запрещенное администрацией, – ехидно вставил Антоха. Султан посмотрел на него без осуждений, лишь с долей ухмылки, сказав:

– Антоха придерживается у нас «смешанных» понятий. Отношения ни с кем не портит, в первую очередь, с администрацией...

– А какой смысл мне их портить, если в положенцы мне метить никакого резона нету? Моя задача – свой трешник отсидеть в условиях, максимально приближенных к комфортным, а к середине срока постараться по УДО выскочить.

– Логично рассуждаешь, – впервые за весь вечер улыбнулся Игорь. – А здесь можно и звонок сделать?

– Можно, – заговорил Антоха. – Только проблем сразу же огребешь по самый загривок. Султан за это дело только вчера с кичи вернулся.

– Откуда?

– Из ШИЗО, штрафной изолятор.

– Это правда, – кивнул Султан. – Ты, кстати, должен быть доволен, что в эту хату попал. Это – блатхата. Посмотри, – он переключил внимание Демона на душевую кабину и фаянсовый набор сантехники, отделенные шторкой от камеры. – Это только здесь так. А в общей хате восемь рыл, грязь, срач. Вместо унитаза – «светка».

– Кто?

– Дырка в полу, играющая, так сказать, время от времени, роль унитаза. И, кстати, никакого душа и вообще горячей воды. Этого, – взгляд Султана переместился на плазменный телевизор в углу стола, – тоже особо нигде не встретишь. Чтoб в эту хату попасть, надо иметь хорошую протекцию. Антоха вон за бабки из общей крыши отъехал...

– А ты?

– Я – другое дело, я положенец, авторитет. Меня здесь выгодно некоторое время подержать. Понимаешь, иногда администрация идет на переговоры с нашим братом и на определенные уступки, чтобы избежать тюремных бунтов, неповиновения и вообще всего такого, что могло бы бросить тень на руководство исправительного учреждения... Меня-то, думаю, через пару-тройку дней перекинут в общую хату. Но я и там проживу – как-никак, четвертый раз сижу. А вот ты как сюда попал?

– Понятия не имею.

– ...Понятно... Ты в карантине был до этого?

– А что это?

– Ну обычно всех первоходов сначала, сразу после приема, помещают на 3—4 дня в медсанчасть. А там как раз-таки общие хаты... По всей видимости, ты и там не был, – Султан решил свести разговор к шутке: – Здоровый, наверное, слишком. Ну чего, Антоха, кормить надо вновь прибывшее пополнение.

– А баланда не катит?

– Парень, – серьезно посмотрел на Игоря Султан. – Здесь хоть и блатная, но черная хата. Здесь не по понятиям с хозяйской руки есть. Да и еда тут, прямо скажем, от ресторанной далека...

Стол был накрыт в считанные минуты. Здесь были вареная картошка, слабосоленая селедка, белый хлеб, салями. В общем, у Игоря не сложилось впечатление каторжного быта. Да и плохо он еще понимал, кто такие «красные», кто – «черные».

В восемь дверь камеры распахнулась, и вошли двое надзирателей с неофицерскими погонами – «дубаки», как их здесь называли. Они проверили порядок в камере, как-то по-особому пристально посмотрели на Игоря и удалились. После их ухода Игорь и его новые «друзья» еще некоторое время посмотрели телевизор, обсудили тюремную жизнь и в районе 11 часов легли спать.

Старший же конвоя после вечернего развода отправился к заместителю начальника изолятора с докладом.

– Олег Семенович, Ваше распоряжение относительно Демихова выполнено, поместили его в 62-ю.

– И как он? – сквозь зубы спросил подполковник Козырев.

– По всей видимости, действительно сильная амнезия. Не помнит ничего, глаза пустые.

– Это уже не твое дело. Ливадный еще здесь?

– Вроде был.

– Что за тон разговора, старлей?! Вызови его ко мне быстро!..

Утро в камере началось для Игоря Демихова с прогулки. Маленький пыльный дворик с узкими решетчатыми амбразурами под потолком насквозь пропитался сигаретным дымом и к получению порции свежего воздуха никак не располагал. Сокамерники потоптались по его периметру часок, послушали громкие разговоры соседей, увлеченно обсуждавших движение «дороги», и, по команде хозяина, засобирались обратно в камеру.

По возвращении туда Игоря срочно вызвали в медсанчасть. На входе его встретил приветливый доктор в кителе капитана внутренней службы, выглядывающем из-под белого халата.

– Добрый день, Игорь Николаевич. Меня зовут Алексей Алексеевич, фамилия моя Ливадный, я начальник местной медсанчасти. Сейчас мы пройдем антропометрию, сдадим кое-какие анализы и побеседуем о дальнейших перспективах тюремной жизни.

Пройдя несколько стандартных процедур, Демон вернулся под конвоем в кабинет Ливадного. Доктор сел напротив него, участливо посмотрел и вкрадчивым голосом начал говорить:

– Понимаете, Игорь Николаевич, автозак, в котором Вы сюда приехали, попал в ДТП. Вы практически полностью потеряли память. И единственным методом ее восстановления, согласно результатам новейших научных исследований, является употребление одного нового препарата, – с этими словами Ливадный вытащил из ящика письменного стола маленький пузырек с таблетками без этикетки. – Это эндокриломорфин. Курс – неделя. Ее Вы проведете в специальной палате в нашей медсанчасти, оборудованной под экспериментальную клинику. По итогам память либо восстановится, либо нет. Фишка в том, чтобы начать применение сразу после потери. Так или иначе, не теряете ничего. Но, по моему мнению, попробовать стоит. Тем более, учитывая специфику Вашей профессии. Ну так как?

– Что?

– Согласны?

– А я могу отказаться?

– Можете, разумеется, но, как мне кажется, это будет не совсем логично.

– Я согласен, но у меня один вопрос.

– Слушаю?

– Если у меня амнезия, то откуда я помню свою фамилию, статью, отдельные вехи биографии?

– В том-то и дело, что отдельные. Мы ввели Вам небольшую дозу препарата, пока Вы находились в коме. Как видите, свой положительный эффект даже такая маленькая доза уже оказывает.

– Что ж, выбор у меня невелик... Пожалуй, в свете произошедшего за последний месяц это худшее из всего...

– Не все так плохо, уверяю Вас. Вот, подпишите некоторые бумаги, а я подготовлю распоряжение о переводе Вас в стационар.

Положив перед Демиховым папку с документами, доктор удалился из кабинета и поспешил доложить о разговоре заместителю начальника изолятора.

– Он согласился? – глядя на врача исподлобья, спросил Козырев.

– Согласился.

– Вот и отлично. Когда планируешь закончить свой эксперимент?
– Думаю, для полного восстановления недели будет достаточно.
– Хорошо. Готовь все свои причиндалы и начинай. Дня через 3—4 куратор будет на месте. Иди.

Минут через 10 после ухода врача дверь кабинета Козырева открылась, и на пороге появилась фигура генерала Костенко.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! – доселе угрюмый и неразговорчивый Козырев вытянулся по струнке при виде своего бывшего боевого командира.

– Привет, привет. Ладно, не вскакивай. Я ведь тебе уже не командир, а ты мне не подчиненный.

– Обижаете, Анатолий Дмитриевич. Бывших в нашем деле...

– Что ж, спорить не буду. Ну раз так, давай по коньячку и поболтаем...

Через полчаса задушевная беседа перешла в деловую.

– Слушай, Олег, мне твоя помощь нужна.

– Я весь внимание.

– У меня неприятности. Ты Соболя Леню помнишь?

– Конечно.

– Он у тебя сейчас.

– ???

– Это проверено. Так вот мне нужно, чтобы он... ну, в общем, освободился, что ли.

– Хм... Сложно вообще-то, но я постараюсь ради Вас, Анатолий Дмитриевич. А что случилось? У Вас с ним дела остались?

– Да, в некотором роде. Что ж, скрывать от тебя не буду. После того случая... ну ты помнишь, в Толстой-Юрте в 99-ом году... В общем, он вбил себе в голову, что я во всем виноват, и предпринял ряд попыток меня устранить...

– Вы планируете нейтрализовать его? Может, проще осуществить это у нас?

– Ну что ты из меня какого-то палача делаешь? Не собираюсь я никого нейтрализовывать. Так, побеседую, максимум – выкину за 101 километр, и всего делов. Олежек, вы же для меня все как дети. О какой нейтрализации ты говоришь?

– Простите, Анатолий Дмитриевич, совсем с этой профессией осатанел... Как у Вас-то? Как семья? Как сынуля?

– Да все в норме, спасибо, Олежек... А давай-ка выпьем за наше чеченское боевое братство, за те дни. Чтобы не повторился больше этот кошмар... Так, значит, я могу на тебя рассчитывать?

– Конечно. Только и у меня к Вам новость имеется.

Костенко удивленно вскинул брови.

– Ко мне вчера Игорь Демихов поступил...

– Да ну?! Он как, за что? А увидеть его можно?

– Он по 205-й за терроризм, на десяточку. А вот насчет увидеть проблема, у него амнезия. Вот начинаем его лечить сейчас экспериментальным путем.

– Послушай, Олежек, как только он будет в форме, дай мне, пожалуйста, знать. Для меня важно будет с ним поговорить.

– Как прикажете, товарищ генерал!

После ухода генерала Козырев вновь вызвал к себе Ливадного.

– Алексей Алексеич, сможешь ускорить лечение Демихова?

– Постараюсь, если нужно, но вообще-то есть медицинский план, всему, как говорится, свое время. А что за спешка?

– Небольшая утечка информации... А вообще это не твое дело. Значит, сможешь?

Прошло еще минут 10, и на месте Ливадного уже сидел Соболевский.

- Он обо всем знает.
- Твою мать, он что, по пятам за мной ходит, что ли?
- Не знаю, мое дело сообщить тебе.
- Это плохо. А что Ливадный сказал, сможет ускорить?
- Сказал, что постарается. А ты давай, свяжись с волей и начинай почву подготавливать. Все быстро должно пройти, чтоб пуля просвистеть не успела – от побега и до...
- Понял. Сегодня же свяжусь со следяком.

Подполковник Юрий Ильич Кирсанов для своих 45 лет выглядел весьма моложаво и подтянуто. И этот внешний вид в значительной степени дополнял его недюжинные интеллектуальные способности, за что его ценил не только сам генерал Костенко, но и его 40-летняя супруга. Эффектная блондинка Олеся Костенко, правда, не могла похвастаться большим количеством свободного времени – все-таки основную его часть она проводила на глазах у мужа, – но раз в неделю пару часов своему любовнику уделяла. Искать кого-то моложе или из другого круга у Олеси не было ни желания, ни возможности – Кирсанов-то практически всегда был рядом с сиятельным супругом, да и устраивал ее и как постельный партнер, и как неглупый и галантный кавалер (солидный возраст подполковника давал о себе знать). Их связь продолжалась уже 17 лет – с того момента, как ее оставил по-настоящему любимый и, наверное, единственный настоящий мужчина в ее жизни, в отношении которого она была уверена – он живет ради нее, и их взаимные чувства слишком прочны, чтобы не выдержать испытания разлукой. Да, Олеся слишком сильно любила Демихова. Настолько сильно, что даже столь длительное расставание не смогло деформировать или видоизменить ее чувства. Но в последнее время она стала задумываться о том, что больше не увидит своего единственного – слишком много времени прошло с их последнего свидания, вестей от любимого не было, а ее биологические часы пошли на убыль. И мысли эти очень ее тяготили. Тяготили и отношения с сыном, который все больше тянулся к Костенко, даже не подозревая о том, кто его истинный отец. От всех этих грустных мыслей ее в какой-то степени и спасал Юрий Кирсанов. Он знал о ее отношениях с Игорем еще со времен первой Чеченской, хранил ее секреты очень трепетно и пытался время от времени заменить Олесе ее возлюбленного. Правда, пытался сделать это лишь поначалу. С течением времени их обоих стали устраивать взаимно не обременяющие отношения формата «любовник-любовница», в которых каждый получал то, в чем нуждался.

Что же касалось отношений Олеси и Костенко, то вообще трудно было сказать, что такие были. 18-летней девчонкой стреляный воробей Костенко забрал Олеся с рабочей окраины Оренбурга, заменив (а, вернее, постаравшись заменить) ей все – мужа, любовника, подружек, свет... Он, по сути, приложил все усилия, чтобы лишить ее воли и способности принимать решения самостоятельно. А она хорошо играла роль его послушной игрушки.

Конечно, Игорю было известно, что в Самаре генерал Костенко, его бывший боевой командир, воспитывает его ребенка. И конечно, его это не могло оставить равнодушным. Он тянулся и к Олесе, и к Диме всем сердцем, читая ее редкие письма и рассматривая присланные фотографии. И конечно, он предпринял ряд мер для воссоединения со своей семьей. Но об этом позже...

А пока Олеся спешила в гостиницу «Бриз», в которой они с Юрием проводили еженедельно по несколько часов. Юрий ждал ее в одном и том же люксовом номере, и их свидания протекали по одному и тому же сценарию: бокал вина, беседа ни о чем, ее рыдания ему в жилетку и сетования на тяжелую и бессмысленную жизнь в отсутствие любимого, а затем 2—3 часа безудержного секса. Так произошло и в этот раз. И вот сейчас, после близости, сжимая в объятиях генеральскую жену, Кирсанов вдруг спросил:

- Скажи, а если бы Игорь взял и вернулся бы сейчас, ты бы меня бросила?

– Совсем бы не бросила, – цинично отвечала Олеся. – Все-таки, за столько лет привыкли друг к другу. Ну, допустим, сохранила бы с тобой дружеские отношения. Жену бы тебе нормальную подыскала, что ль... А к чему ты спросил?

– Да так, ни к чему.

– Кирсанов, я тебя 20 лет знаю. Ничего ты никогда просто так не делаешь. Колись давай. Ты что-то знаешь?

– Важно не то, что я знаю, а откуда я это знаю. А знаю от твоего мужа. Вернулся твой Игорек...

– Шутишь?

– Делать больше нечего! Отлеживается в тюремном лазарете первого изолятора. И готовится к встрече с твоим супругом.

– Почему в изоляторе? Почему в больнице? Зачем ему с Костенко встречаться? – в Олеся явно заговорила влюбленная и крайне обеспокоенная женщина.

– Не многовато ли вопросов для жены генерала? Я думаю, Костенко решит приблизить его к себе...

– Если бы не твоя рассеянность, Костенко был бы уже на том свете. Зря я что ли тебе карты его передвижений по Волгограду доставала? А ты вместо него косой десяток на тот свет отправил!

– Говорю тебе, это не я. Пара дебилов занималась, результат налицо.

– Ладно, это так или иначе будет на твоей совести. А пока ты просто обязан организовать мне встречу с Игорем. Сделаешь?

– Сделать-то можно, только...

– Что?

– То. У него амнезия, в аварию попал.

Олеся не раздумывала над ответом ни минуты:

– Мне все равно. Я должна, обязана его увидеть. Хоть на секунду. Меня он вспомнит. Так что, когда?

– Как же ты его любишь, козла...

Рабочий день директора Федеральной службы безопасности и, по совместительству, председателя Антитеррористического комитета, был загружен и распланирован настолько, что отступления от своего графика данное должностное лицо практически себе не позволяло. Было, правда, несколько человек, ради которых генерал Бортников мог позволить определенные вольности в общении с его распорядком дня. Среди них было, разумеется, высшее руководство страны, а также стратегически важные для него люди. К числу последних относился и генерал Костенко.

С утра Бортников ожидал его приезда. Сегодня для Александра Николаевича было особенно важно встретиться со своим бывшим боевым спутником, ведь Президент едва ли не ежедневно спрашивал у него о ходе расследования терактов на Волге. И потому, когда генерал Костенко появился на пороге подмосковной резиденции директора Службы, на лице последнего мелькнула неподдельная радость – за годы совместной службы он слишком привык к тому, что такой ответственный и серьезный сотрудник как Костенко всегда приносит хорошие новости и говорит именно то, что от него ждут (а это умение дорогого стоит).

– Здравствуй, дорогой, – обнял Бортников в дверях своего гостя.

– Здравия желаю, товарищ генерал армии!

– Ладно, брось. Как долетел?

– Спасибо, отлично. Как сами?

– Да что у нас может быть нового... Генеральная линия партии не изменилась, а остальное все шелуха. Кстати, как наши дела относительно партии? Результаты есть?

Костенко снисходительно посмотрел на собеседника:

– Саша, если бы у меня не было результатов, я бы не явился, ты же знаешь! Если коротко, то ситуация хоть и неприятная, но под контролем!

– Ну, давай за стол, там все расскажешь.

Полчаса спустя Костенко за завтраком докладывал обстановку Бортникову:

– ...Видишь ли, Саша, после Второй Чеченской, многие недобитки, подкрепившись неплохими западными инвестициями, рассосались по России, и – кто при случае, а кто – долго и профессионально периодически финансируют теракты, набивая себе тем самым вес нелегальных бандитских кругов и получая за счет этого из рук последних контроль над нефтевышками, еще оставшимися под началом боевиков и экс-боевиков. Таким образом, эти теракты становятся своего рода капиталовложением и способом приумножения состояния этих же проходимцев. Вот и на подконтрольной мне территории завелся один такой субъект...

– Кто такой?

– Некий Махмуд Абдиев. В начале 2000-х мои ребята вытесняли его козлов из Толстой-Юрта и близлежащих тейпов.

– А, старый знакомый, значит...

– Вроде того. Закончил войну в звании генерал-майора, отсидел пару годков, вышел и теперь пытается, козлиная, старое вспомнить.

– Ты точно уверен, что взрывы в Волгограде – его рук дело?

– Да, имеются соответствующие агентурные данные.

– И что ты планируешь предпринять?

– Сейчас мой помощник, полковник Кирсанов, разрабатывает план операции под кодовым названием «Новогодний фейерверк», в рамках которой планируется возмездие. Быстренько уберем его, и всего делов.

– Давай, давай. Только поспеши со своим фейерверком, а то пока этот твой Абдиев нам только фейерверки устраивает.

– Думаю, к окончанию праздников управимся.

– Я в тебе не сомневался. Ну, давай за Новый Год!

Генерал-полковник Анатолий Дмитриевич Костенко был выходцем из советской армии, а потому что такое долг офицера и гражданская совесть знал хорошо. Закончив в начале 80-х высшее войсковое командное училище, Костенко еще в чине лейтенанта отправился в Афганистан, где прослужил до конца войны и откуда вернулся уже полковником. Значительные боевые заслуги позволили молодому перспективному военному обзавестись знакомствами на высшем уровне и проложить себе дорогу ни много-ни мало в ГРУ. Там он встретил Первую Чеченскую, в ходе которой опять же добился успехов, но вершин Олимпа не покорил ввиду значительных разногласий с тогдашним министром обороны Грачевым, вошедшему в историю благодаря бескорыстию и аскетизму под кличкой «Паша Мерседес». Однако, с отставкой последнего дела генерал-майора Костенко вновь пошли в гору, и ко Второй Чеченской кампании он стал правой рукой – первым заместителем начальника Генерального штаба ВС РФ. Но и на этой должности боевому в высшем смысле слова офицеру спокойно не жилось. И, в конце 1990х, оставив знакомства и свет, как раньше говорили, генерал-лейтенант Костенко снова отправился на передовую и возглавил оборону Толстой-Юрта и соседних тейпов. Именно на эту пору и пришелся зенит боевой славы Костенко. Его разведгруппы, в числе сотрудников которых были и Леонид Соболевский, и Сергей Рабочих (Робот), и Игорь Демихов, и Олег Козырев, и Андрей Степанов и многие другие, совершали вылазки и проводили спецоперации, забивавшие в конечном итоге последние гвозди в крышки гробов ведущих полевых командиров Ичкерии и Нохчи-Чо.

Но, как обычно происходит, все не могло продолжаться всегда безоблачно. После ряда успешно проведенных операций группа разведчиков – диверсантов – Соболев, Демон и Робот –

бежали за рубеж. Такой демарш лучших подчиненных Костенко не мог не сказаться на его карьере. Однако, полностью дисквалифицировать его и вывести из игры его протее в высших эшелонах власти означало бы поставить крест на собственной карьере многих сильных мира сего, а потому, получив очередное повышение в звании и звезду Героя России, генерал под звуки фанфар был отправлен в отставку. Правда, в их деле, как известно, бывших не бывает, а потому, когда шум поутих, генерала вновь вернули на Олимп только в несколько иной роли.

Когда Кавказ, на первый взгляд разгромленный и поставленный на колени, вновь начал набирать неформальную боевую мощь под чутким руководством нового республиканского начальства, в верхах было принято решение создать такое же по мощи неформальное противодействие спруту с широкими полномочиями и оружием в руках. Как никто годился на роль руководителя такого боевого антитеррористического соединения генерал Костенко. И практика показывала, что справлялся с этой задачей он неплохо. Этим и объяснялось повышенное доверие Бортникова и вообще высоких руководителей к этому отставному, но все еще боевому русскому офицеру.

Сейчас он тоже выполнял государственное задание. Но не все складывалось для самого генерала так гладко в данный момент времени...

Из ресторана «Пушкинь» генерал Костенко в сопровождении Бортникова вышел на уровне 10 часов вечера. В машине его ждал Андрей Степанов – когда-то самый молодой из его разведчиков, а ныне начальник личной охраны генерала.

– Эх, Андрюха, – тяжело выдохнул слегка подвыпивший генерал, садясь в авто. – На славу посидели, только...

– Только что?

– Да проблем появилось больше, чем было. Кирсанов звонил?

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

– А чего молчишь?

– Виноват, товарищ генерал. Он просил Вас перезвонить как освободитесь.

– Набери его.

Минуту спустя Костенко разговаривал с полковником Кирсановым по спутниковому телефону, размещенному в министерской машине, выделенной Костенко для личного перемещения по Москве.

– Ну что, Юрок, что выяснил?

– Да выяснил кое-что. Этот тюремный врач Ливадный божится за неделю нашего Игорька в порядок привести.

– Неплохо бы. И как планируешь организовать операцию, где?

– Думаю на базе под Бугурусланом у Абдиева. В принципе, все должно быть похоже на правду. Соболь с Демоном бегут, куда им? Конечно, к заказчику. И он как раз там. Там всех и перебьем. С Козыревым, если что, сам буду поддерживать контакт.

– Ну и отлично. Если что, держи меня в курсе дел.

– Обязательно. Когда назад?

– Завтра думаю. Будь.

После разговора настроение генерала немного повысилось. Кирсанов умел то же, что и генерал – говорить то, что от него ожидали услышать. Сам же полковник в это время обдумывал детали сразу двух боевых операций, которые должны были осуществиться с его легкой руки в мирное время.

Положив трубку, генерал скомандовал Степанову:

– К нотариусу. Адрес помнишь?

Андрей кивнул головой, и машина резко тронулась с места.

Нотариус города Москвы Виктор Викторович Рылеев был давно знаком с генералом Костенко. Последние 15 лет он вел его наследственное дело, генерал даже хранил свое завещание в его конторе, не доверяя провинциальным нотариусам и получая за солидное вознаграждение первоклассные юридические и экономические консультации у сотрудников нотариальной конторы. О сегодняшней встрече генерал с нотариусом договорился заранее, а потому юрист ожидал его в своем офисе, несмотря на позднее время.

– Добрый вечер, Виктор Викторович. Приношу извинения за поздний визит, задержался в ФСБ.

– Ничего страшного, Анатолий Дмитриевич, я все равно не сплю. Да и из возраста, когда вечером могут быть какие-нибудь дела, тоже давно вышел.

– Вы на себя наговариваете. Любви, как говорил классик, все возрасты покорны.

– Не смею спорить с Александром Сергеевичем, но в мои годы понимание любви несколько видоизменяется. Итак, к делу. Я, по Вашей просьбе, подготовил справку относительно концерна «Абдиев и Ко», – нотариус протянул генералу тонкую папку-планшет. Генерал открыл ее и не без удовлетворения пробежал справку глазами.

– В двух словах, – продолжал нотариус. – Здесь сказано, что если к февралю концерн Абдиева не переизберет руководителя, то он не сможет оформить заявку на бюджетное субсидирование и квотирование на ввоз калия на год вперед. В интересующем Вас федеральном округе фирма-конкурент одна, и принадлежит она Вам. Если заявку представит Ваша фирма, с марта начнется ввоз. С марта-месяца объемы поставляемого из Белоруссии калия вырастут настолько, что хранить его будет возможность только на площадях элеваторов, арендованных у государства концерном Абдиева. Это заставит муниципалитеты изъять элеваторы и перераспределить их Вашей фирме.

– Вам достоверно известно, что в конце января заканчиваются полномочия Абдиева как генерального директора концерна?

– Конечно, вот их учредительные документы, – нотариус протянул генералу еще одну папку.

– Как всегда, работа на высшем уровне.

– Какая оплата – такая и работа.

– Благодарю Вас, Виктор Викторович, – вставая с места, отчеканил генерал.

– Не за что. Как здоровье супруги?

– Благодарю Вас, все в порядке. Честь имею.

– Удачи Вам, – в дверях генерала догнала реплика хозяина кабинета, сопровождаемая его лукавым взглядом.

...Руины полуразрушенной многоэтажки в центре Толстой-Юрта погрязли в пыли и огне. Обстрел велся перекрестный, с двух сторон сразу. В многоэтажке оставались раненый Абдиев, Игорь Демихов, еще один боевик и 5 трупов ваххабитов, ликвидированных федералами в течение последних двух часов. От гари и копоти выстрелов, пыли и шума у защитников дома резало глаза и закладывало уши.

– Где вертолет?! – кричал Демон Абдиеву.

– Не знаю, сейчас должен быть... – тот был практически на последнем издыхании.

– Вот он! – прокричал ваххабит, указывая в окно.

– На крышу, быстро! – закричал Игорь, взваливая Абдиева на плечо.

Через минуту все трое стояли на крыше здания. Пока Игорь грузил раненого Абдиева на борт прибывшего вертолета, ваххабит прикрывал командира. В центре были обо всем предупреждены, а потому снайпер на чердаке соседнего дома хоть и держал боевика на прицеле, а с выстрелом не спешил. Когда же убедился в том, что Демон и Абдиев вошли на борт, то одним нажатием спускового крючка отправил бандита на тот свет.

– Ахмед! – заорал Абдиев и попытался броситься навстречу убитому.

– Назад! – Демон оттолкнул его от входной двери и резким движением руки заблокировал ее. Вертолет оторвался от крыши и постепенно начал удаляться в стан противника.

Абдиев был тяжело ранен в ногу и вскоре уснул. Игорь удостоверился в том, что он жив, перевел дыхание и направился в кабину пилота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.